

З.В. Сметанина, Г.А. Иванова

ВАРИАНТНОСТЬ СЛОВА В «ОБЛАСТНОМ СЛОВАРЕ ВЯТСКИХ ГОВОРОВ»

Статья посвящена проблеме лексикографического представления вариантов слова в «Областном словаре вятских говоров». Осуществлен анализ вариантов диалектного слова, их классификация; определяются критерии разграничения фонематических и словообразовательных вариантов, словообразовательных вариантов и словообразовательных синонимов. Особое внимание уделяется вопросу о морфемном статусе малоупотребительных словообразовательных элементов, функционирующих в составе диалектных глаголов.

Ключевые слова: диалектная лексика; вариантность; лексикография; экспрессивная деривация; вятские говоры.

Диалектная лексика была и остается объектом пристального внимания составителей словарей, языковедов в нашей стране и за рубежом (см., например, ежегодные сборники «Лексический атлас русских народных говоров: Материалы и исследования» [1], материалы международных конференций по актуальным проблемам русской диалектологии в Москве [2, 3] и Вологде [4], а также материалы международной конференции по проблемам диалектологии и геолингвистики в Австрии [5]). Тем не менее ее вариантологический аспект, несмотря на посвященные вариантности диалектного слова работы [6–11 и др.], еще не исчерпал своей проблематики. Дискуссионным является вопрос о формальной, семантической и формально-семантической вариантности диалектных слов, ее границах; нет ясности в вопросе об отграничении вариантов слова от однокоренных синонимов; не решена проблема лексикографирования вариантов и др.

Вариативность (вариантность) как всеобъемлющее, фундаментальное свойство языковой системы проявляется в существовании и функционировании единиц языка разных уровней языковой системы (ср. вариантность фонем, морфем, слов, словосочетаний и предложений). Сущность вариантности заключается в неустойчивом равновесии языкового знака, его «асимметричном дуализме» [12. С. 48], т.е. в стремлении означающего и означаемого обладать иными функциями и средствами, нежели их собственные, что является главным фактором эволюции языковой системы.

Вариативность (вариантность) характерна не только для лексики общелитературного языка, но и для современного диалекта, для его лексики, фонетики, морфологии, синтаксиса.

Специфика диалектного словоупотребления заключается в «богато разветвленных синонимических рядах, в наличии дублетов, в развитии большого количества вариантов слов» [6. С. 12], требующих системного описания и последующего лексикографирования.

В статье речь пойдет о вариантности диалектного слова, которая представлена разными типами его варьирования: формальным, семантическим и формально-семантическим.

Под формальными вариантами слова в работе понимаются различные видоизменения (модификации) внешней стороны слова, не приводящие к нарушению его тождества [13. С. 9]. Вслед за В.Н. Немченко, в

зависимости от уровневой принадлежности варьирующих лексических единиц, нами различаются фонетические (фонематические, орфоэпические, акцентологические) и грамматические варианты слова [14]. На наш взгляд, следует признать в качестве особой разновидности вариантов слов и словообразовательные варианты – тождественные по значению однокоренные образования, различающиеся словообразовательными аффиксами (вопрос о словообразовательных вариантах в современной русистике относится к числу дискуссионных).

Цель данной статьи – описать особенности лексикографического представления вариантов диалектного слова в «Областном словаре вятских говоров» (далее – ОСВГ), а также обозначить проблемы, с которыми столкнулся авторский коллектив ОСВГ.

В лексикографической практике известен опыт словарной работы, который нередко побуждает составителей словарей обращаться к описанию лексикологических проблем. Так, лингвисты томской лексикографической школы являются составителями разноаспектных словарей, представляющих лексические подсистемы территориального варианта общенародного языка, и авторами научных работ в области лексикологии по проблемам вариантности, мотивированности, образности, словообразования; см., например, [15–17].

В статье ставится задача осветить проблему разграничения фонематических и словообразовательных вариантов, словообразовательных вариантов и синонимов, а также вопрос о наличии в вятских говорах экспрессивных суффиксов.

Двенадцать выпусков ОСВГ (А–Я) представляют диалектную лексику и фразеологию всей территории Кировской области разных временных срезов, следовательно, «Областной словарь вятских говоров» является полидиалектным сводным толковым словарем, представляющим по возможности все особенности функционирования слова. В ОСВГ использовались письменные источники конца XIX – начала XX в., материалы экспедиций Кировского педагогического института (в дальнейшем Вятского государственного гуманитарного университета и Вятского государственного университета), проводимых в период с 40-х гг. XX в. по настоящее время; рукописные словари и словники добровольных собирателей, так называемых наивных лексикографов [18. С. 197–211]. Начало создания «Областного словаря вятских говоров» было

положено Л.И. Горевой. Первые два выпуска ОСВГ были опубликованы В.Г. Долгушевым; последующие создавались новым коллективом авторов под руководством З.В. Сметаниной.

Возникает вопрос, целесообразно ли рассматривать проблемы вариантности на базе полидиалектного словаря, поскольку территория Кировской области является территорией вторичного заселения славян и, соответственно, гетерогенной зоной разнородных и смешанных говоров? Ответ на поставленный вопрос может быть утвердительным в силу того, что учет ареальных характеристик каждой словарной единицы позволяет определить широкоупотребительные – общесистемные – варианты и варианты, распространенные в пределах одного говора. Принимая во внимание длительность языковых контактов и внутренних миграций носителей разных групп говоров, мы рассматриваем диалектную лексику, представленную в ОСВГ, как единую диалектную систему, включающую в себя различные подсистемы (говоры), не нарушающие целостности и своеобразия вятского диалекта.

ОСВГ относится к такому типу словарей, в котором все варианты диалектных слов со значительной материальной общностью корневой морфемы представлены в одной словарной статье. Как справедливо отмечает В.А. Козырев в статье «Тождество слова как проблема диалектной лексикографии», «установка на сведение вариантов в одной словарной статье» представлена меньшим количеством словарей» [8. С. 5]. В качестве заголовочного слова словарной статьи используется основной вариант (доминанта) вариантного ряда, определяемый в соответствии с критерием наибольшей распространенности на территории области. Трудность выбранного пути заключалась не только в том, чтобы собрать все варианты в одной словарной статье, нужно было отразить их и в отдельных словарных статьях с учетом индивидуальной ареальной характеристики. Толкование значения (значений) дается только к первому слову, возглавляющему этот вариантный ряд. Значение других вариантов раскрывается с помощью отсылочных определений: для фонетических вариантов – через отсылку *см.*; словообразовательные варианты толкуются при помощи типовой формулы *то же, что...* (*Кугрины*, только во мн. *См. куглины*; *Галямина*, ж. *То же, что галема*.). Отсылки осуществляются, во-первых, в направлении от более распространенного варианта к менее распространенному; во-вторых, в пределах одной буквы словаря. Заметим попутно, что с 8-го выпуска в ОСВГ кроме отсылочного определения к вариантам давалось и толкование (это изменение было продиктовано желанием сделать словарь более удобным в использовании).

Принцип подачи в одной словарной статье всех равнозначных однокоренных слов вызывал определенные трудности в семантизации вариантов, так как все отсылки должны даваться к первому компоненту вариантного ряда, который далеко не с каждым вариантом состоит в отношениях двучленной оппозиции. Так, например, оппозиция связывает фонематические варианты *картозы* и *картосы*, но в соответствии с

данным принципом для определения значения каждой вариантной единицы ряда следует обратиться к первому репрезентанту ряда *картофка*, *картофки*, *картофь*, *картофи*, *картофия*, *картофья*, *карфета*, *карфеты*, *картозы*, *картосы*, *картыши*, то есть к варианту *картофка*. Следовательно, отсылки *см.* и *то же, что...* в некоторых случаях отражают лишь опосредованные связи между указанными вариантами [19. С. 3–5].

Наш опыт подтверждает справедливость утверждений В.А. Козырева о том, что «многие исходные установки, сложившиеся на начальном этапе, в процессе длительного периода словарной работы оказались недостаточными в силу причин как теоретического, так и практического характера. По мере продолжения работы над словарями становился всё более очевидным тот факт, что конкретный языковой материал оказался значительно сложнее и разнообразнее, чем это представлялось вначале и предусматривалось в проектах, инструкциях, сколь бы глубокими и детальными они ни были» [8. С. 5]. По мнению редакторов «Словаря русских народных говоров» (далее – СРНГ) Ф.П. Сороколетова и О.Д. Кузнецовой, «принципы разработки вариантов не могли быть определены до начала работы над словарём: для этого необходимо было выявить и проанализировать всё многообразие материальных вариантов слов в русских диалектах. Это стало возможным в процессе лексикографической обработки лексики русских народных говоров в СРНГ» [7. С. 4].

Лексикографическая практика показывает, что не только в традиционных толковых, но даже и в аспектных словарях вариантной лексики присутствует неоднозначная оценка вариантных отношений. Так, например, автор «Словаря вариантной лексики сибирского говора» З.М. Богословская, выделяя среди семантически идентичных образований собственно варианты слова, вариантоиды (единицы, занимающие промежуточное положение между формами одного слова и разными словами) и разные слова, отмечает, что границы между ними не являются чёткими и постоянными и «значительные колебания морфем, особенно префиксальных и корневых, процессы ремотивации и демотивации, появление новых рядов, создающих регулярность однокорневых образований, и т.п. могут привести к переводу единиц из одного разряда в другой» [20. С. 10].

Главная проблема, с которой столкнулись составители ОСВГ, – это проблема разграничения фонематических и словообразовательных вариантов. От решения этой проблемы зависит способ лексикографического описания слова, выбор отсылочного определения.

Какие явления можно отнести к фонетическим процессам в говорах, а какие к словообразовательным? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо прежде всего описать все разнообразие фонематических вариантов слов в вятских говорах, систематизировать примеры формального фонематического варьирования слов по степени регулярности. Какие явления можно отнести к фонетическим процессам в говорах, а какие к словообразовательным? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо прежде всего опи-

сать все разнообразие фонематических вариантов слов в вятских говорах, систематизировать примеры формального фонематического варьирования слов по степени регулярности.

Под фонематическими вариантами слова нами понимаются формальные модификации слов, частично различающиеся фонемным составом корневых или аффиксальных морфем при условии сохранения морфемного тождества, совпадения лексических и грамматических значений [21. С. 6; 22. С. 59].

Вопрос о границах фонематического варьирования слова является дискуссионным и связан с различной трактовкой фонематической вариантности, с узким или широким ее пониманием. В число проблемных, в частности, входят вопросы об отграничении фонематических вариантов от вариантов орфоэпических, акцентологических, словообразовательных и грамматических (морфологических), а также вопрос о количестве варьирующихся фонем в слове. По мнению К.С. Горбачевича [23. С. 14], только незначительные изменения фонемного состава слова (одна-две варьирующиеся фонемы) не нарушают формального тождества слова; другие исследователи, например, В.Н. Немченко, опираясь на более широкое определение фонематической вариантности, считают, что число варьирующихся фонем может увеличиваться до трех и более [14. С. 19].

Фонематические варианты надо отличать также от акцентологических и произносительных вариантов. Нередко различие в ударении и (или) произношении сопровождается частичным изменением фонемного состава слова и образуется смешанный тип вариантов слова – акцентолого-фонематический.

Проблема вариантности в диалекте требует особого подхода, не полностью идентичного тому, который установился применительно к литературному языку. Это связано с такими особенностями диалекта, как устная форма его существования, специфика диалектной нормы (стихийность, недостаточная осознанность, отсутствие кодификации), воздействие со стороны литературного языка (ср., например: [9. С. 31]).

Обратимся к анализу фонематических вариантов в ОСВГ. В основу описания данного вида вариантов нами положена классификация О.И. Блиновой [6. С. 97–124].

Фонематическая вариантность в вятских говорах представлена двумя основными разновидностями – качественной и количественной, как в области гласных, так и в области согласных.

Качественная фонематическая вариантность. Под качественной фонематической вариантностью понимается вариантность, обусловленная качественным составом фонем.

В области гласных выделяется два вида вариантности: 1) вариантность, вызванная фонетически не обусловленной меной фонем (позиция под ударением), и 2) вариантность, проявляемая в безударной позиции.

В первой группе вариантов, обусловленных меной сильных фонем (в ударной позиции), выделяется несколько подгрупп:

о//а видо́к–вида́к, вило́шки–вила́шки, легосто́й–легосто́й, пожо́мкать–пожа́мкать; смотре́к–смотре́к, шалабо́лка–шалаба́лка;

о//у водно́рядь–водну́рядь, куте́шник–кутю́шник, лутóзить–луту́зить, мутóзить–муту́зить, сдо́ндить–сдо́ндить, пожо́мкать–пожу́мкать, шишо́ля–шишу́ля, яро́шник–яру́шник;

о//ы водно́рядь–водны́рядь, голдо́бина–голды́бина, копе́р–копы́рь, сдо́ндить–сды́ндить, яро́шник–яры́шник; закому́ристо–закомы́ристо, клобу́к–клобы́к, сдо́ндить–сды́ндить, суту́рица–суты́рица;

е//о мере́жа–мере́жа, остере́к–остере́к, пазде́ра–пазде́ра, пеле́да–пеле́да, сдо́рнуться–сдо́рнуться, се́дни–се́дни, се́дне–се́дне, сосуне́шник–сосуне́шник;

у//и дере́га–дери́га, синю́шник–сини́шник;

а//ы сгра́бать–сгры́бать;

е//у опихте́й–опихту́й;

е//и набе́рка–набы́рка, синеше́шник–сини́шник.

Особенности произношения гласных в ударных позициях, характерные для различных групп вятских говоров, отражались лишь в иллюстративной части словарных статей. Но в редких случаях в ОСВГ вслед за различными источниками включался вариант, отражающий чередования гласных звуков в ударной позиции. Он получал статус заголовочного слова, при этом другие структурные части словарной статьи – иллюстративный материал и ареальная характеристика – отсутствовали. Подобный вариант содержал лишь отсылку, напр.: *си́вериха*, ж. См. *се́вериха*. Варианты, относящиеся ко второй группе с произношением гласных в безударных слогах, проявляют закономерности, свойственные разным группам вятских говоров, напр., <о> произносится закрыто и имеет склонность к [у.] Многие из таких вариантов становятся лексикализованными:

о//у болтыха́ть–бултыха́ть, боца́г–буча́г, дожи́наха–дужина́ха, колыба́ться–кулыба́ться, сборо́вить–сбу́ровить, моргосле́пый–мургосле́пый;

о//е грезди́стый–грозди́стый, обобе́нькиваться–обебе́нькиваться, стрека́–стро́ка, шоро́м–шери́м, шолы́га–шелы́га.

Особую группу составляют варианты диалектного слова, в которых графическая запись отражает лишь особенности его произношения (оканье или аканье) или особенности восприятия слова собирателем диалектной лексики, а не фонемное чередование:

о//а бобу́ха–бабу́ха, валту́зить–валту́зить, варо́винный–варави́нный, гала́нка–гала́нка, гомоно́к–гамано́к, коляба́ть–каля́басть, мороко́сить–марако́сить, обломбе́рить–обла́мбе́рить, обобе́нькиваться–обабе́нькиваться, поназы́рь–паназы́рь, сокерка́–сакерка́, солома́т–салама́т, сампола́т–сампала́т, слоко́сить–слока́сить, шолы́га–шалы́га.

Существование произносительных вариантов с чередованием о//а в безударных позициях диалектных слов объясняется наличием в Кировской области оканьющих говоров, говоров с неполной редукцией гласных в безударных слогах, а также аканьющих островков (с. Буйское Уржумского района, с. Залазна Омутнинского района). Аналогично объясняется и вариантность пар с чередованием е//и в корневой морфеме *седу́лка–сиду́лка, sedúшка–сиду́шка*.

В области согласных выделяются фонематические варианты с менами, которые не обусловлены позиционно:

б//п алябушка–аляпушка, баздырнуть–паздырнуть, кўльбик–кўльпик, олябыш–оляпыш;

г//к гомзўля–комзўля, кочедыг–кочедык, бастриг–бастрик, вольшняг–вольхняк, мявгать–мявкать, пизан–пикан, фугать–фукать, отпенэгаться–отпенекаться, повилига–повилика;

д//т бадбг–батбг, болдыхать–болтыхать, отўдобеть–отўдобеть, ошпэндить–ошпентить;

жс//ш вертужок–вертушок, синешник–синешник;

з//с кутаз–кутас, свесь–свезь;

в//ф выпик–фыпик, картёвница–картёфница;

г//д//ж бразгаться–браздаться, воглый–вóдлый, сáргн–сáрдн; смóгный–смóжный; свередить–сверэжить, сседаться–ссежаться, осёрдка–осёржка;

к//ч//ц старка–старча; повилика–повилица, соленики–соленцы;

т//ч молотёжник–молочёжник, отковётить–отковечить, стюнуть–счунуть;

ск//ш сомускать–сомуцать;

ст//ш//ч постювать–поцуювать; бесстювный–бесчувный;

ч//ш ссыпчина–ссыпчина;

с//ч мусник–мучник, сесельница–сечельница, сесеница–сеченица, вымуснить–вымучнить, пеленисный–пеленичный; сбáхснть–сбáхснть;

с//ш//т брусница–брушница, вёсница–вёшница, метлесить–метлешить, мёска–мёшка; моршесник–моршешник.

В вариантах типа кочедыг–кочедык, бастриг–бастрик, вольшняг–вольхняк, кутаз–кутас варьирование конечной согласной выявляется в диалектной речи по сильной позиции. При отсутствии сильной позиции оба варианта включаются в словарь, поскольку их запись подтверждается многими авторитетными собирателями, напр., *свезь–свесь*. [ОСВГ 10: 38].

Регулярно наблюдаются в вятских говорах также мены согласных **сонорных** фонем:

р//л выму́ривать–выму́ливать, кугри́ны–кугли́ны, ку́терня–куте́льня, сме́рэхтнть–сме́лэхтнть, вихре́ц–вихле́ц, переро́йный–перело́йный, сбáграть–сбáглать;

н//р манако́снть–марако́снть, сманако́снть–смарако́снть, натю́тннть–натю́трнть;

л//н белебе́лнть–белебе́ннть, белн́льница–белн́ница, кремл́на–кремн́на, ломáльница–ломáнница, мёта́льчик–мёта́нчик, о́ко́льница–о́ко́нница, отря́холье–отря́хонье, пёсё́льник–пёсё́нник, самока́льчик–самотка́нник, ссежа́лка–ссежа́нка, снн́ельница–сноше́нница, солно́ворот–сонно́ворот, со́стали–со́стани, спо́млнть–спо́мннть, то́птáльчик–то́птáнчик, шишо́ля–шишо́ня;

м//н бо́мбовица–бо́нбовица, на́гишо́мный–на́гишо́нный, само́пря́ха–са́нопря́ха, само́пря́дка–са́нопря́дка, симпа́тья–синпа́тья.

В группе вариантов с меной согласных по твердости / мягкости выделяются следующие подгруппы:

Твердые / мягкие сонорные:

л/л' белу́шка–белю́шка, вила́шки–вилю́шки;

р/р' бру́шница–брю́шница, бастри́к–бастры́к;

н/н' коно́к–коно́к, сновáльна–сновáльня, ста́енка–ста́енька, лубови́на–любови́на, виру́ндать–виру́ндать, виру́ндаться–виру́ндаться, натутру́нть–натютрю́ннть, имуры́гать–имури́гать, сглу́здить–сглю́здит;

Твердые / мягкие зубные: ви́скирь–вы́скирь, вы́зузнить–вы́зузнить, студено́–стюдено́, су́зём–сю́зём.

Реже наблюдаются мены:

губных согласных (губно-губных и губно-зубных): б//м волбеница–волменица, сбарабо́шнть–сбарамо́шнть; **б//в** отутобеть–отутоветь; **м//в** жамкать–жавкать;

взрывных//фрикативных: во́лбеница–во́лвеница, во́лденица–во́лвеница, карто́пница–карто́фница, окн́тнть–охн́тнть, панады́рь–паназы́рь, подчепре́ннть–подчепре́ннть, тру́пный–тру́хлый;

щелевых//сонорных: ково́дни–коло́дни, судо́й–судо́ль, ветви́на–ветли́на, скаму́шка–скаму́рка, сбужо́вить–сбуро́вить, тукма́шка–тукма́нка.

В вятских говорах нами зафиксированы случаи морфологического фонемного чередования:

д//жд ле́дина–ле́ждина;

з//зд угомо́знть–угомо́здит.

В вятской речи наблюдается также вариантное произношение шипящих, которое объясняется закономерными особенностями в разных группах вятских говоров: одним свойственно твердое произношение мягких шипящих, другим – напротив, мягкое произношение твёрдых шипящих. В ОСВГ представлены лексикализованные в отдельных говорах варианты, например: шерба́–щерба́, бо́ршён–бо́рщён, мо́ршён–морщён, покато́шнть–поката́шнть, хо́либвица–хо́лцбвица.

В отдельных случаях в ОСВГ включены также варианты с разным произношением звуков [ц] и [ч], например: ци́вера и чиве́ра.

Регулярность процессов, проявляемых в вятских диалектах, во многом соотносится с фонетическими закономерностями, описанными О.Г. Гецовой на материале архангельских говоров [24].

Количественная фонематическая вариантность в области гласных и согласных.

Наличие / отсутствие гласных фонем: вы́колдобо́ина–вы́колдобина, подо́печник–подпéчник, вара́ганнть–варга́ннть, ве́перь–ве́прь, чивика́ть–чивка́ть, подо́печек–подпéчек, ве́чёршннть–ве́чёршннть, возго́ловах–взго́ловах, ме́хорнть–ме́хрнть, мизе́га–мизе́га, княже́нница–княжн́ница, сверебе́ха–свербе́ха, свере́бей–свербе́й, свере́бучий–свербу́чий, сколя́но–скля́но, соло́гонка–солго́нка.

Наличие / отсутствие согласных фонем: базды́рнть–базы́рнть, бы́тность–бы́тость, вры́знть–вары́знть, вы́зузнить–вы́зузнить, завихто́ривать–завихо́ривать, ма́льтявка–ма́лявка, мерчу́хловáтый–мерчу́ховáтый, морзѓливый–морзѓливый, мурго́слéпый–мурослéпый, набу́тка–набу́тать, отё́ртыши–отё́рыши, начибу́рчить–начибу́рчить, сва́лынга–сва́лыга, цено́вница–це́новница, то́ркннть–то́ркннть, окле́ймачнть–окле́мачнть, остобры́ндеть–остобры́деть, отче́блү́чить–отче́блү́чить, на́гухмы́рнть–на́гухмы́рнть, на́джда́брить–на́джда́брить, натютрю́ннть–натютрю́ннть, немто́вать–немо́вать.

в́ать, отковре́тить–отковéтить, сд́вередíть–свередíть, свинéшник–синéшник, сирби́рьянка–сирби́янка, скля́но–сля́но, совму́цать–сому́цать, стерлю́га–стелю́га, стрежéсь–стежéсь, упéт–катéсь–упéтаться, фу́ркнуть–фу́кнуть.

В группе количественных фонематических вариантов можно выделить вариантные пары типа *труби́ца–труби́ца, снежи́ца–снежи́ца, б́шевни–б́шевни*, в которых наблюдается варьирование фонемного состава суффиксальной и префиксальной морфемы: *–иц (-ниц), о- (об-)* (см.: [21. С. 6]).

Явления **позиционной вариантности** (метатеза) в вятских говорах наблюдается редко: *баралу́жина–балару́жина, мельтесíть–метлесíть, оскорпóтки–оскоропóтки, поноровíть–пороновíть, скричигáть–скырчигáть.*

Встречаются также случаи перестановки фонем и их сочетаний, осложненные качественной вариантностью: *шамш́ура и шошмóра, манокóсить–маколóсить.*

Комбинированная фонематическая вариантность. Фонематическая вариантность в области гласных и согласных в вятских говорах может сочетать количественную и качественную разновидности (*сгу́лемéстить–ску́лемéсить*), совмещаться с акцентологической (*ворóвина–варовíна, сайгá–сáйга, слякíиша–сля́кша*); грамматической (*сéленка–сéленцы; слы́кнуть–слы́ндить; шмури́гать–шмуры́жить, сакáть–сáчить, мерéкать–мерéчить*); словообразовательной вариантностью (*вы́бузгать–вы́буздырять, побу́лына́живать–пбу́лындывать, набронтáть–набро́тхать*).

В случаях, когда формальные различия влекут за собой изменения грамматических характеристик при тождестве лексического значения, варианты признаются нами грамматическими (морфологическими) и при семантизации их используется формула «то же, что», например: *сéленка*, ж. То же, что *сéленцы*; *наку́лькать*, сов. То же, что *наку́льтить*.

При описании диалектного материала встаёт вопрос о границах фонематического варьирования. В некоторых случаях бывает сложно квалифицировать тип вариантных отношений, объединяющий члены вариантного ряда. Один из аспектов этой проблемы – определение статуса равнозначных однокоренных лексических единиц с разными аффиксами.

Вопрос о лингвистическом статусе равнозначных однокоренных слов с разной аффиксальной частью в аспекте системных отношений в языке остается открытым. Можно ли считать соотносительные тождественные по значению однокоренные единицы, различающиеся словообразовательными аффиксами, разными – синонимичными – словами или они являются вариантами одного слова? На этот вопрос в науке нет однозначного ответа.

Ряд исследователей рассматривает семантически близкие или тождественные однокоренные слова, различающиеся словообразовательными аффиксами, как синонимичные единицы, называя их однокоренными (однокорневыми) или словообразовательными синонимами [14. С. 104; 23. С. 18; 25. С. 152–163; 26. С. 94–103]. Основанием для отнесения равнозначных

однокоренных образований к синонимам является их разная морфолого-словообразовательная структура, семантическая близость (или тождество значений), стилистические и функциональные различия.

Но в современном языкознании все более утверждается тенденция к признанию понятия «словообразовательные варианты» и выделению словообразовательных вариантов среди других вариантов слов [27. С. 214–215; 28. С. 99; 29. С. 140–141; 30. С. 131; 31 С. 10].

Примечателен также и тот факт, что даже те исследователи, которые квалифицируют однокоренные образования как словообразовательные синонимы, подчеркивают их особый (переходный) характер и отмечают близость данных слов к вариантам; см., например, [14. С. 24–25; 26. С. 103].

Общий принцип разграничения словообразовательных (морфологических) вариантов одного слова и разных слов-синонимов, по О.С. Ахмановой, заключается в выявлении семантических различий между однокоренными разноаффиксальными образованиями. Ср.: «...Если изучение фактов современного русского языка позволяет установить достаточно определенные семантические различия между такими «дублетными» или «параллельными» производными от одной основы..., то это разные слова... Если...невозможно для современного русского языка обнаружить какое бы то ни было предметно-семантическое различие между данными «дублетами», то их придется признать вариантами...» [27. С. 216]. Экспрессивно-эмоциональные различия могут характеризовать как разные слова-синонимы, так и варианты одного слова, поскольку первые существуют «не сами по себе, а при каких-либо других различиях – фонетических, морфологических или лексико-семантических» [Там же. С. 217].

Отождествление равнозначных лексических единиц с разными аффиксальными морфемами и признание их вариантами одного и того же слова правомерно на том основании, что корень является центральной частью слова, носителем основного значения; именно он «выражает идею тождества слова самому себе» [32. С. 242].

С нашей точки зрения, сочетающиеся с корнем аффиксы в составе подобных образований идентичны друг другу в семантическом отношении и образуют формальные варианты одной и той же основы.

Выявление семантического сходства (тождества) и семантических различий однокоренных единиц предполагает: 1) установление видов отношений однокоренных слов в словообразовательном гнезде и анализ мотивационных отношений; 2) определение словообразовательной структуры однокоренных слов; 3) определение семантических свойств словообразовательных формантов в составе этих слов.

Рассмотрим, например, соотносительные по значению и форме однокоренные прилагательные *маловы́тый–маловы́тный*.

Нулевая суффиксация (*маловы́тый*) и суффиксальный способ образования (*маловы́тный*), не приводят к образованию разных, находящихся в отношениях словообразовательной производности единиц. Это семантически тождественные формальные вари-

анты одной основы, на основании чего их можно отнести к словообразовательным вариантам.

Таким образом, к словообразовательным вариантам мы относим однокоренные лексические единицы с разной аффиксальной частью, которые характеризуются лексическим и грамматическим тождеством, и не находятся в отношениях словообразовательной производности [33. С. 321].

При решении вопроса о разграничении фонематических и словообразовательных вариантных отношений требуется обращение к вопросам экспрессивной деривации.

Практическая словарная работа показала, что в диалектных лексемах в лексикографическом плане наиболее сложными для описания представляются глагольные пары, различающиеся редкими словообразовательными элементами, например: *набаз́иться-набаз/а́н/иться*, *ти́гать-ти́г/ос/ить*, *упе́ткаться-упе́т/юш/каться*. Как рассматривать подобные элементы в диалектных глаголах? Какой статус они имеют? Какую функцию выполняют данные фонемные сочетания: являются асемантическими элементами (интерфиксами) или имеют морфемный статус, т.е. выражают определенное значение?

Словообразовательная подсистема языка представляет, как правило, несколько возможностей для выражения одного и того же смысла, несколько вариантов «моделирования отдельной номинативной единицы» [28. С. 99]. Под «вариантами моделирования» понимаются равнозначные однокоренные лексические единицы с разной аффиксальной частью.

В научной литературе существуют разные мнения при оценке такого явления в морфонологии, морфемике и словообразовании, как интерфиксация. Интерфиксами называются асемантические части слов, соединяющие их основы со служебными морфемами и лишённые (в отличие от других видов морфем) значения. Подобные элементы употребляются в современном русском языке чаще всего в составе производных суффиксальных слов (чаще всего в составе существительных и прилагательных, реже – в глаголах и наречиях) и носят регулярный характер; ср.: *плут/ов/ств/о*, *орл/ов/ец*; *лент/оч/н/ый*, *мольер/ов/ск/ий*, *сестр/ин/ск/ий*, *завтра/ш/н/ий*; *фамильярн/ич/а/ть*, *лентяй/нич/а/ть*, *самовар/нич/а/ть* (см.: [14. С. 23–24; 34. С. 125–127]).

С точки зрения Е.А. Земской, интерфиксы нельзя включать в один ряд с суффиксальными морфемами – это разрушает определение морфемы как наименьшего значимого элемента в составе слова. Она также ставит вопрос о правомерности употребления термина «алломорф» по отношению к сочетанию «интерфикс + суффикс». Действительно, термином «алломорф» принято называть тождественные по значению единицы, находящиеся в позиции дополнительного распределения (типа *-чик/щик*, *ец/и*, *-рук/руч*, *лоб/лб*, *от/ото* [35. С. 335–344]).

В целом разделяя точку зрения Е.А. Земской, В.Н. Немченко алломорфами считает морфы определенной морфемы, при этом внешнее отличие от других морфов той же морфемы («собственно вариантов морфем», не обусловленных позиционно) связано с

качеством соседних морфов (они неспособны заменять друг друга в той же позиции), например: *учитель/ств/о* и *студенч/еств/о*; *брат/ск/ий* и *друж/еск/ий* [14. С. 23–24].

Подобное мнение выражает ряд авторитетных ученых: интерфиксы должны рассматриваться как части морфем, или морфов (В.В. Лопатин); как компоненты варьирующихся морфов одной морфемы (Е.С. Кубрякова); как функциональные элементы, тяготеющие к форманту (Г.А. Пастушков). Иначе, интерфиксы являются частью морфем и обычно включаются в состав словообразовательных суффиксов, следующих за ними.

Во многих исследованиях по диалектному словообразованию также вычленяются варианты морфем. Например, А.Г. Антипов описывает 60 формантных вариантов к суффиксу *-ник* на материале русских говоров. Рассматривая вопрос о функционировании формантной подсистемы деривационной морфемистики русских говоров в аспекте её морфонологической структуры, автор пишет об алломорфировании формантов и выделяет суперморфемные структуры, которые «впоследствии могут выступить в качестве самостоятельных формантов» [36. С. 31].

Проанализируем ряд специфичных диалектных глагольных формантов (именно они представляют наибольшую трудность при квалификации отношений в глагольных парах), привлекая для анализа материалы не только вятских говоров, но и слова с аналогичными формантами из «Словаря русских народных говоров» (далее – СРНГ). Рассмотрим функцию элемента *-ен-* в структуре следующих глагольных вариантных пар в вятских говорах: *сумёрничать-сумерённичать* ‘сидеть, отдыхать, разговаривать, общаться в сумерках, не зажигая света’; *отутюветь-отутювенеть* ‘выздороветь, прийти в себя после болезни’; *остаметь-остаменеть* ‘утратить чувствительность, гибкость, онеметь (от усталости, болезни и т.п.)’; *окоченеть* (от холода, после смерти и т.п.); *фузить-фузёнить* ‘дуть, сквозить (о ветре, холодном воздухе)’. Анализ функции данного элемента показывает, что, во-первых, он является варьирующейся частью разных глагольных суффиксов: *-нича(ича)* – (*сумёрничать-сумерённичать*); *-е* (*отутюветь-отутювенеть*); *-и-* (*фузить-фузёнить*); во-вторых, присутствует в приставочных глаголах (*залубенеть* ‘заиндеветь’; стать твёрдым, жёстким) и бесприставочных глаголах (*сумёрничать-сумерённичать*, *фузить-фузёнить*). Регулярность и частотность *-ен-* в структуре глаголов подтверждают материалы «Инверсионного индекса к словарю русских народных говоров» (далее – «Инверсионный индекс») и «Словаря русских народных говоров» (далее СРНГ). Данные глаголы могут быть мотивированы именами существительными, они имеют значение ‘покрываться тем, что названо мотивирующим существительным’: *залобенеть* (*залубенеть*) 1. ‘покрыться лубом, лубяным слоем. Даль (без указ. места); 2. ‘затвердеть, стать жёстким, твёрдым’ (Влад., Ряз., Том.); 3. ‘зарастить травой, покрыться дёрном’ (Тул., Ряз.); 4. ‘покрыться сверху льдом’ (Костром.); 5. ‘покрыться коркой грязи’ (Ряз.); 6. ‘одере-

венеть, стать нечувствительным (о человеке)' (Сиб.) // окоченеть (Смол.) [СРНГ 10: 222]; *затравенеть* – 'покрыться травой' (Калуж., Смол., Олон.) [СРНГ 11:104]; *обводенеть* – 'покрыться водой поверх льда (о реке, озере)' (Арх.) [СРНГ 22: 9]; *обу́тревенеть* 1. 'рассвести (о наступлении рассвета)' (Пск., Твер.); 2. 'потеплеть после ночи' (Пск., Твер.) [СРНГ 22: 255]; при мотивированности именами прилагательными имеют значение 'приобрести признак, названный мотивирующим прилагательным': *закоженеть* 'сделаться твёрдым, жёстким' (Курск., Орл., Пск.) [СРНГ 10: 139]; *пожиденеть* 'сделаться жидким' (Пск., Твер.) [СРНГ 28: 293]; [Ср.: 34. С. 379]. Ср. лит.: *оде-ревенеть*. Глагольная пара *фузѣть-фузѣнѣть* (оба варианта употребляются в Лузском районе Кировской области) характеризуется фонетической мотивированностью. Список глаголов с формантом *-ен-* в «Инверсионном индексе» представлен значительно: *забуженеть, залобенеть (залубенеть), задербенеть, задервенеть, замеженеть, закоженеть, залуженеть, записвенеть, запаршивенеть, затравенеть; обводенеть, обу́тревенеть, одубенеть, огрубенеть; по-жиденеть, погуценеть, помасленеть, постуденеть, послабенеть, посмышленеть; разжиденеть; фу-зенеть, черственеть, смысленеть, крупенеть*. Но следует заметить отсутствие некоторых глаголов из «Инверсионного индекса» в СРНГ.

Не свидетельствуют ли эти характеристики о самостоятельном характере форманта *-ен-* в русских народных говорах и приобретении им статуса экспрессивного суффикса?

Вопрос об экспрессивности специфичных диалектных суффиксов и наделении их статусом морфемы рассматривается Е.Н. Шабровой в [37, 38]. Анализ вологодского диалектного материала привел автора к выводу о том, что большинство аффиксальных морфем в структуре основ диалектных глаголов относится к общерусскому аффиксальному фонду, но в то же время ею выявлено около 20 аффиксальных морфов, неизвестных литературному языку. Кроме суффиксов, выполняющих функцию словообразования, различия способов действия, ею выделяются экспрессивные суффиксальные «модификаты» (в нашем понимании – словообразовательные варианты) диалектных глаголов, например: *будаться-буд/ыс/аться, ломить-лом/ыс/ать, бу́здать-бузд/ыр/ять*. Е.Н. Шаброва приводит доказательства в пользу морфемности выделенных экспрессивных суффиксов. Во-первых, они могут быть представлены в различном морфемном окружении: *луп/ач/ить, короб/ач/ить*; во-вторых, регулярно воспроизводятся в глаголах, значение которых содержит семы экспрессивности, интенсивности действия [37. С. 125–146].

Наличие словообразовательных экспрессивов подтверждается в лингвистических исследованиях на базе общенародного языка [39–43].

В статье «Экспрессивность в системе, словаре и речи» Н.А. Лукьянова обращает внимание на экспрессивы с затемненной образностью и экспрессивные лексические единицы со связанными основами, «у которых основную экспрессивную нагрузку выполняют префиксы, а корни семантически пусты»

[39. С. 162]. Исследователем выделены два класса экспрессивных единиц: с формально выраженной и формально не выраженной экспрессивностью.

Обратимся к материалам вятских говоров. Представим ряд глагольных вариантов, один из которых имеет редкий элемент (интерфикс vs экспрессивный суффикс?), для подтверждения частотности формантов подобного типа дополним этот вариантный ряд примерами из СРНГ. Частотность суффиксов проверялась по «Инверсионному индексу». Толкование значений слов дается по материалам ОСВГ и СРНГ (примеры из других говоров, преимущественно севернорусского наречия).

суффикс *-ыр-*, ср.: *бу́здать-бузд/ыр/ять* 'бить, ударять' [ОСВГ 1: 111], *вы́бузгать-вы́бузд/ыр/ять* 'жадно съесть' [ОСВГ 2: 209], *набу́здать-набузд/ыр/ять* 'ударить, побить' [ОСВГ 6: 126], *отбу́здать-отбузд/ыр/ять* 'высечь, побить кого-нибудь' [ОСВГ 7: 136]; *нама-стáчиться-намаст/ыр/иться* 'приобрести опыт, навык в чем-нибудь' [ОСВГ 6: 166] и *гвозд/ыр/ять* 1. 'торопливо и жадно есть, хлебать что-либо' (Яросл.); 2. 'бить, колотить' (Перм.) [СРНГ 6: 161]; *косм/ыр/ять* 'бить, колотить; таскать за волосы' (Калуж., Перм.) [СРНГ 15: 57].

Вариант *немты́рить* 'говорить невнятно, неразборчиво' [ОСВГ 6: 230] характеризуется двоякой мотивацией: возможно, он образован от имени существительного *немтырь* или от глагола *немовать* с помощью суффикса *-ыр-*, заимствованного диалектоносителями из словообразовательных ресурсов общелитературного языка;

суффикс *-ач-*, ср.: *стру́нить-струн/ач/ить* 'журить, бранить' [ОСВГ 10: 232], *охминáть-охмин/ач/ив/ать* 'много и быстро есть' [ОСВГ 7: 172], *то́лмить-толм/ач/ить* 1. 'разъяснять, растолковывать что-либо'; 2. 'твердить своё, убеждая кого-нибудь; говорить одно и то же' [ОСВГ 11: 55] и *кроп/ач/ить* 'мастерить что-либо на досуге' (Перм.) [СРНГ 15: 279], *намасл/ач/ить* 'густо намазать чем-либо' (Перм.) [СРНГ 20: 30], *нашлеп/ач/ить* 'побить, нашлапать' (Прионеж. КАССР) (ср. пермское: *нашле-нашиить* 'побить, нашлапать') [СРНГ 20: 300], *скырн/ач/ить* 'скрежетать' (Иркут.) [СРНГ 38: 205], *смухл/ач/ить* 'сжультничать, смошенничать' (Олон., Арх.) [СРНГ 39: 65], *смухн/ач/ить* 'сжультничать, смошенничать' (Олон.) [Там же], *урган/ач/ить* 'искать органы (мышинные припасы); то же, что ургани́ть' (Иркут., Забайкалье) [СРНГ 47: 322];

суффикс *-ан-*, ср.: *базлáть-базл/ан/ить* 'громко плакать; громко кричать' [ОСВГ 1: 36], *набазѣться-набаз/ан/иться* 'наплакаться' [ОСВГ 6: 119], *забазѣть-забазл/ан/ить* 'начать громко кричать, говорить' [ОСВГ 4: 60], *согрубѣть-согруб/ян/ить* 'сказать грубость, нагрубить' [ОСВГ 10: 159] и *грибáниться* 'хмуриться, становиться угрюмым' (Арх.) [СРНГ 7: 140], *загрибáнить* 'стать пасмурным, сумрачным (о погоде)' (Арх.) [СРНГ 10: 31], *зидикáниться* 'начать неистовствовать, беситься' (Свердл.) [СРНГ 10: 54], *зубáнить* 1. 'есть, жевать что-либо медленно, еле-еле пережевывая, с расстановкой' (Пск.); 2. 'смеяться, острить, зубоскалить' (Волог.) [СРНГ 11: 356], *коро-бáнить* 'коробить' (Арх.) [СРНГ 14: 344], *кру-*

жа́ниться ‘кружиться в хороводе’ (Ср. Урал) [СРНГ 15: 308], *наклуба́нить* ‘сделаться пасмурным (о погоде)’ (Яросл.) [СРНГ 19: 330], *обжига́ниться* ‘избаловаться, стать непутёвым’ (Иркут.) [СРНГ 22: 45], *плуга́ниться* ‘медленно идти, ехать, тащиться за кем-либо’ (Южн. Даль, Брян.) [СРНГ 27: 163], *прикоба́нить* ‘притащить, приволочь что-либо тяжёлое или громоздкое’ (Сиб.) [СРНГ 31: 251], *сбузыка́ниться* ‘рано встать’ (Новг.) [СРНГ 36: 192];

суффикс **-як-**, ср.: *пому́слять-помусл/як/ать* ‘смотить слегка слюной’ [ОСВГ 8: 142] и *козля́кать* ‘резвиться, бегать, прыгать, как козы’ (Ворон.) [СРНГ 14: 70], *берля́кать* ‘блестать’ (Сверд.) [СРНГ 2: 260], *путля́кать* ‘путать, спутывать нитки, волокна’ (Моск.) // ‘путать петли, нитки при вязанье’ (Пенз., Р.Урал) [СРНГ 33: 153], *кома́кать* ‘сильно сминать, комкать’ (Яросл., Костром., Ср. Урал) [СРНГ 14: 242], *стебуня́кать* ‘плохо шить’ (Нижегор., Влад.) [СРНГ 41: 110], *мастеря́кать* ‘делать что-либо неумело, небрежно или наспех’ (Яросл., Курск) [СРНГ 18: 17].

суффикс **-ош-**, ср.: *смя́кать-смяк/ош/ить* ‘смять, скомкать что-либо’ [ОСВГ 10: 148] и *балаб/ош/ить* ‘быстро и невнятно говорить, бормотать’ (Арх., Новг.) [СРНГ 2: 68], *дуб/ош/ить* ‘сильно быть, дубасить’ (Пск.) [СРНГ 8: 240], *раздраб/ош/ить* ‘разбить, раздробить какую-либо часть тела’ (Ульян.) [СРНГ 33: 333]. Ср.: *облапо́шить*.

суффикс **-уч-**, ср.: *ошле́ить-ошле/уч/ить* ‘ударить’ [ОСВГ 7: 179] и *нагорбу́чить* ‘взвалить на спину’ (Иркут.) [СРНГ 19: 210], *тарамбу́чить* ‘с усилием тянуть, тащить что-л.’ (Олон.) [СРНГ 43: 275], *поддергу́чить* 1. ‘надеть одно платье на другое’ (Р. Урал); 2. ‘поддернуть высоко платье’ (Р. Урал) [СРНГ 27: 389].

Продуктивен в говорах суффикс **-ых-**, встречающийся и в разговорном литературном языке (ср. разг. *громыха́ть*): *набу́здать-набузд/ых/ать* ‘ударить, побить; наказать физически’ [ОСВГ 6: 126] и *жемы́хать-жимыха́ть* ‘класть под пресс для отжимания’ (Вост.); ‘тереть, жать бельё при стирке’ (Симб., Твер., Нижегор.) [СРНГ 9: 124], *жерыха́ть* ‘есть; есть с жадностью или быстро’ (Пск., Твер.) [СРНГ 9: 145], *горды́хать* ‘дрожать’ (Брян.) [СРНГ 7: 30], *сгоныха́ть* ‘сделать, изготовить что-либо’ (Пск., Твер.) [СРНГ 37: 36], *сверты́хать* 1. ‘получить вывих, вывихнуть руку, ногу’ (Пск., Твер.); 2. ‘сделать что-либо небрежно, кое-как’ (Пск., Твер.) [СРНГ 36: 245], *глотыха́ть* ‘жадно глотать’ (Пск.) [СРНГ 6: 203].

Для внутриглагольного экспрессивного словообразования в вятских говорах используются также суффиксы, известные литературному языку, ср., напр., пары: *изварлы́житься-изварлы́ж/нич/аться* ‘излениваться, привыкнуть к праздности’ // ‘избаловаться’ [ОСВГ 4: 218], *четы́ржить-четы́рж/нич/ать* ‘прекословить, перечить, спорить, возражать кому-нибудь’ [ОСВГ 12: 55], *янды́жить-янды́ж/нич/ать* 1. ‘выпрашивать что-нибудь’; 2. ‘плакать, капризничать’ [ОСВГ 12: 179], *фуга́ть-фуг/ова/ть* ‘дуть, сквозить (о ветре, холодном воздухе)’ [ОСВГ 11: 211], *побрында́ть-побрынд/ев/еть* 1. ‘покраснеть от смущения, возмущения или злости’; 2. ‘посинеть от холода, покрыться инеем’ [ОСВГ 8: 21], *пожубри́ть-пожубр/ён/к/ать* ‘поесть, пожевать чего-

нибудь’ [ОСВГ 8: 98]. Они также могут служить средством выражения эмотивности (см., например: [41. С. 114–115]).

Рассмотренные выше примеры подтверждают мысль, высказанную Б.Я. Шарифуллиным о том, что словообразовательная модель может работать в разных по семантике экспрессивных гнездах [43. С. 26–28].

Таким образом, факт существования в говорах экспрессивных формантов, неизвестных литературному языку, подтверждается проанализированными нами примерами из вятских и других – севернорусских, среднерусских и (реже) южнорусских говоров, а также мнением ученых-диалектологов, опирающихся на анализ диалектного материала. Регулярный характер различных формантов, выявленных нами в говорах и служащих, на наш взгляд, выражением экспрессивности или её усилением, позволяет отнести проанализированные выше глаголы к словообразовательным вариантам с экспрессивными аффиксами. При семантизации они должны иметь отсылочное определение *то же, что*.

Критерий регулярности, т.е. регулярного несовпадения грамматической формы, выдвинут в качестве основного авторами стилистического словаря вариантов «Грамматическая правильность русской речи» Л.К. Граудиной, В.А. Ицковичем и Л.П. Катлинской наряду с требованиями грамматической системности, регулярной взаимозаменяемости, функциональной эквивалентности грамматического значения в пределах взаимозаменяемых контекстов, однородности сравниваемых грамматических структур [31. С. 12]. Словообразовательные варианты относятся авторами стилистического словаря к грамматическим вариантам.

Глагольные видовые пары, отличающиеся двумя или несколькими редкими фонемными сочетаниями, регулярность которых не подтверждается материалами ОСВГ и «Инверсионным индексом», квалифицируются нами как фонематические варианты, например: *наку́льп/ес/ить-наку́льп/ин/ить* ‘сделать что-нибудь неправильно; плохо выполнить какую-нибудь работу’ [ОСВГ 6: 161], *скорч/у́ж/иться-скор/ы́ж/иться* ‘согнуться, сгорбиться’ [ОСВГ 10: 116], *скы́ркать-скыр/лы/кать* 1. ‘скрести, царапать по какой-нибудь поверхности чем-нибудь острым’; 2. Производить шум, издавать какие-либо звуки (трением предметов, царапанием, шуршаньем и т.п.) [ОСВГ 10: 126], *упе́ткаться-упет/ю́ш/каться* ‘устать, утомиться, выбиться из сил’ [ОСВГ 11: 163], *фуркнуть-фур/ты́з/нуть* ‘кинуть, бросить’ [ОСВГ 11: 212]; *ходи́ться-ходи́/ли/ться* ‘ходить круг к другу в гости, водить знакомство, дружить’ [ОСВГ 11: 238], *очу́неть-очун/ар/еть* ‘потерять соображение’ [ОСВГ 7: 177].

Рассмотренные выше примеры свидетельствуют о том, что состав вариантных парадигм может быть квалифицирован более точно при анализе всего массива лексического материала говоров.

Сходство вариантов не всегда свидетельствует о наличии вариантных отношений. В процессе словарной работы возникают вопросы разграничения вариантов и синонимов. Тождество слова устанавливается

при совпадении лексического, словообразовательного и грамматического значения. Так, лексические единицы *ошалабáнить* и *ошалабóнить* относятся к фонематическим вариантам, поскольку характеризуются общностью корневой морфемы *шалабáн/шалабóн* ('голова'), морфемным тождеством, не связаны отношениями словообразовательной производности, т.е. формально и семантически не мотивированы, и различаются лишь одной корневой гласной фонемой (*а/о*) в сильной позиции. Несущественно формально отличается от вышеприведенных единиц и глагол *ошалабéрить*, но он входит в другое словообразовательное гнездо (ср. диалектный глагол *шалабéрничать* ('ничего не делать, без толку проводить время'), зафиксированный с соответствующим значением в 12 выпуске ОСВГ). Следовательно, глаголы *ошалабóнить* (*ошалабáнить*) и *ошалабéрить*, несмотря на сходство звучания и общее значение 'сильно ударить; поразить, удивить, озадачить; лишиться ясности сознания, отнять память' должны квалифицироваться как синонимы.

Синонимами или вариантами являются глаголы с семой экспрессивности *накулемéсить*, *накулевéрить*, *накульпесить*, *накульпíнить*, объединённые значением 'сделать что-нибудь неправильно; плохо выполнить какую-нибудь работу'? Корень *-кул'* – в вятских говорах в имени существительном *куль* имеет значение 'котомка с продернутой верхней частью верёвкой или шнурком'. О некой бесформенности этого предмета свидетельствуют сравнительные обороты, употребляемые в вятских говорах: *как (ровно) куль*, *как куль с мукой* 'о неповоротливом, медлительном человеке' и *как куль в отрепьях* 'о неряшливо одетом человеке'. Глаголы *накулемéсить*, *накулевéрить* имеют сложную, двухкорневую структуру с соединительной гласной *-е-*. Вторая часть первого сложного слова включает в себя глагол *месить*. Глагол *кулемéсить* имеет в вятских говорах первичные значения 'мять, давить, комкать; месить, смешивать что-либо' и переносные 'небрежно выполнять какую-либо работу; бить кого-либо; убивать, растерзывать; шалить баловаться; говорить вздор' [ОСВГ 5: 145]. (Ср.: [44. С. 409]): *куламеситься*: *прокуламеситься* 'провести всё время в суете, в ссоре', смол. (Добровольский); *кулемесить* 'молоть чепуху, устраивать беспорядок, бить, колотить'. Неясно. Возм., месить?). Мы можем предположить, что во время акта номинации человек как носитель разнообразных эмоций мог соединить два корня и в глаголе *кулевéрить*. Возможно, что в качестве второго корня использовалась часть глагола *верюхáть* (*вирухáть*) 'ломать что-нибудь'. Учитывая, что пара *накулемéсить*–*накулевéрить* имеет в своем составе части разных словообразовательных гнезд, разные ареальные характеристики, мы квалифицируем их как синонимы. Сходные им варианты *накульпесить*–*накульпíнить* употребляются в одном говоре, имеют отличия в нескольких фонемах, имеют в своём составе нерегулярные фонемные сочетания, поэтому являются фонематическими вариантами, по отношению же к глаголу *накулемéсить* – словообразовательными. Нельзя оставить без внимания и тот факт, что рассмотренные примеры имеют общую экс-

прессивную характеристику и общую словообразовательную модель {НА-...ТЬ}. В любом случае состав каждого из данных глаголов уникален.

Проблемы вариантности в диалектном языке и речи связаны с трудностью, а часто и невозможностью установить этимон, определить границы морфем, как корневых, так и спорадических аффиксальных, поэтому интерпретация многих примеров является дискуссионной.

Рассматривая экспрессивный фонд русского языка в единстве его составных частей (литературный язык, диалекты, просторечие и т.д.), Б.Я. Шарифуллин отмечает: «Этимологическое описание экспрессивного фонда языка является наименее разработанным и слабо представленным в теории и практике этимологического исследования» [42. С. 18].

Процедуры анализа вариантных отношений в структуре многозначного слова требуют внимания не только к формальному, но и формально-семантическому варьированию слова.

В третьем выпуске ОСВГ была предпринята попытка разграничить формальное и формально-семантическое варьирование: некоторые значения многозначного слова были представлены в отдельных словарных статьях. Цифровой индекс в правом нижнем углу указывал на то, что рядом стоящие заголовочные слова являются не омонимами, а представляют разные значения одного и того же слова. Указанный способ позволил представить ряды формальных вариантов, относящиеся к разным лексико-семантическим вариантам слова. Например: *дупель*, *дупляк*, *дуплятник*, *дуплё́1*, ср., *дупля́нка1* и *дупли́на* со значением 'дупло'; *дупёлко2* и *дуплё́нка2* с общим значением 'скворечник'; *дупло́*, *дуплё́2* и *дупё́лкоз* – 'выдолбленная в цельном дереве скамеечка для маленького ребенка'. Данный пример подтверждает наличие в говорах лексико-семантических, формальных и формально-семантических вариантов слов [ср.: 18. С. 57–60]. Но уже в 4-м выпуске ОСВГ авторский коллектив словаря принял решение вернуться к традиции лексикографического представления всех значений многозначного слова в одной словарной статье.

Исследование лексического материала дает основания утверждать, что в вятских говорах, как и в литературном языке, существуют следующие видоизменения слов: а) в плане выражения при сохранении плана содержания (формальные варианты слова); б) в плане содержания при сохранении плана выражения (семантические, или лексико-семантические, варианты слова); в) одновременно в плане выражения и в плане содержания при сохранении семантической связи (формально-семантические варианты слова). Наиболее широко распространено формальное фонематическое варьирование в области согласных, связанное с чередованием сонорных, в том числе твердых/ мягких, а также варьирование звонких / глухих заднеязычных. В зоне активного варьирования находятся ударные гласные фонемы: *а/о*, *а/э*, *о/э* и безударные *о/у*. Вариантное произношение безударных *а/о* связано с миграционными процессами и географией носителя говора.

Вятские говоры богаты не только формальными фонематическими модификациями слов, но и разнообразными словообразовательными вариантами – семантически соотносительными разносуффиксальными однокоренными номинациями, позволяющими носителю говора выразить мысль образно, экспрессивно.

При разработке ОСВГ вопросы лексикографического описания словообразовательных вариантов и других вариантов слов имели первостепенное теоретическое и практическое значение.

Лексикографирование вариантов в ОСВГ производилось с применением выработанных критериев оценки вариантных / синонимических отношений в диалектной системе вятских говоров, а также критериев разграничения разных видов лексической вариантности, прежде всего фонематической и словообразовательной.

В соответствии с принятой составителями ОСВГ концепцией к фонематическим вариантам слова относились все формальные модификации слова, характеризующиеся: а) семантическим тождеством (лексическим и грамматическим); б) морфемным тождеством (тождеством морфемной структуры); в) частичным различием фонемного состава (гласных, согласных или тех и других одновременно).

В качестве критерия разграничения словообразовательных вариантов и словообразовательных синонимов использовался прежде всего семантический критерий, предполагающий установление семантического сходства и семантических различий однокоренных единиц. Процедура установления семантического тождества и семантических различий включала: а)

определение видов отношений однокоренных слов в словообразовательном гнезде и анализ мотивационных отношений; б) определение словообразовательной структуры лексикографируемых слов; в) определение семантических свойств словообразовательных формантов в составе этих слов. Если однокоренные диалектные слова характеризовались отношениями словообразовательной мотивации, а следовательно, и отношениями словообразовательной производности (формальной и семантической), то они относились в словообразовательным синонимам; при отсутствии отношений словообразовательной производности – получали квалификацию словообразовательных вариантов.

Одним из сложнейших – в силу своей неразработанности в лексикографическом плане – являлся вопрос о статусе малоупотребительных словообразовательных элементов в составе диалектных глагольных образований (экспрессивные суффиксы или интерфиксы?). Критерий регулярности, выдвинутый авторами ОСВГ в качестве основного, семантический анализ, а также мнение авторитетных диалектологов позволили считать подобные элементы экспрессивными суффиксами, выражающими значение усиления интенсивности совершаемого действия.

Лексикографирование вариантов разного типа может быть осуществлено не только в толковом диалектном словаре, каким является ОСВГ, но и в аспектном словаре вариантной лексики (см., например: [20]). Начало теоретической разработки такого типа словаря на материале вятских говоров положено Э.Д. Головиной [11].

ЛИТЕРАТУРА

1. Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования) 2015–2018. СПб. : ИЛИ РАН, 2015–2018.
2. Актуальные проблемы русской диалектологии. К 100-летию издания Диалектологической карты русского языка в Европе : тез. докл. Междунар. конф. 30 октября – 01 ноября 2015 г. М. : Ин-т русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 2015. 232 с.
3. Актуальные проблемы русской диалектологии : Материалы междунар. конф. 26–28 октября 2018 г. М. : Ин-т русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 2015. 272 с.
4. Диалектное словообразование, морфемика и морфонология : исследования и материалы. Вологда : ВГПУ, 2008. 160 с.
5. Dialekt / dialect 2.0 & wboe 100 kurzfassungen 7. Kongress der Internationalen Gesellschaft fur Dialektologie und Geolinguistik (SIDG) 100 Jahre dialektlexikographische Forschung in Osterreich im internationalen Kontext / Hgg.von Eveline Wandl-Vogt, Stefan Winterstein, Christina Schrod, Andrea Singer. Wien, Praesans Verlag, 2012. 230 s.
6. Блинова О.И. Введение в современную региональную лексикологию. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1975. 258 с.
7. Кузнецова О.Д., Сороколетов Ф.П. Принципы разработки вариантов слова в словаре русских народных говоров (СРНГ) // Словарь русских народных говоров. Л. : Наука, 1987. Вып. 22. С. 4–8.
8. Козырев В.А. Тождество слова как проблема диалектной лексикографии // Диалектное слово в лексикографическом аспекте. Л. : ЛГПИ, 1986. С. 3–15.
9. Козырев В.А. Вариантность диалектного слова // Диалектная лексикология и лексикография : брянские говоры. СПб. : Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 1999. С. 31–60.
10. Богословская З.М. Диалектная вариантология. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2005. 271 с.
11. Головина Э.Д. Формальная вариантность в речи диалектного типа. Киров : КГПИ, 1991. 102 с.
12. Карцевский С.О. Об асимметричном дуализме лингвистического знака // Введение в языковедение : хрестоматия / сост. А.В. Блинов, И.И. Богатырева, В.П. Мурат, Г.И. Рапова. М. : Аспект Пресс, 2000. С. 45–48.
13. Иванова Г.А. Вариантность синтаксических единиц : проблемы изучения. Киров : Изд-во ВГПУ, 1999. 62 с.
14. Немченко В.Н. Вариантность языковых единиц. Типология вариантов в современном русском языке. Красноярск : Изд-во Краснояр. ун-та, 1990. 184 с.
15. Блинова О.И. Мотивология и её аспекты. 2-е изд. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2007. 394 с.
16. Богословская З.М. Существует ли формально-семантическое варьирование слова? // Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin), 2011. Вып. 9 (111). С. 57–60.
17. Резанова З.И. Проблемы диалектного словообразования в работах томских лингвистов // Диалектное словообразование, морфемика и морфонология / под ред. Е.Н. Шабровой. СПб. : Наука; Вологда : ВГПУ, 2007. 304 с.
18. Сметанина З.В. Непрофессиональная диалектная лексикография как источник для «Областного словаря вятских говоров» // Семантика. Функционирование : межвуз. сб. науч. тр. Киров : Радуга-ПРЕСС, 2016. С. 197–211.
19. Сметанина З.В. Предисловие к 5 выпуску // Областной словарь вятских говоров / под ред. З.В. Сметаниной. Киров : Изд-во ВятГГУ, 2008. Вып. 5. С. 3–5.
20. Богословская З.М. Словарь вариантной лексики сибирского говора. Т. I: А–К / под ред. О.И. Блиновой. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2000. 304 с.

21. Немченко В.Н. Вариантность слова в русском языке. Фонематические варианты. Н. Новгород : Изд-во Нижегород. ун-та, 1992. 223 с.
22. Иванова Г.А. Фонематическое варьирование терминов языкознания // Acta Rossica Tvrnaviensis. Zbornik studii Katedry rusistiky Filosofickej fakulty Univerzity sv.Cyrila a Metoda v Trnave. BRNO TRIBUN EU 2014. С. 58–66.
23. Горбачевич К.С. Вариантность слова и языковая норма. На материале современного русского языка / отв. ред. Ф.П. Филин. 2-е изд. М : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 240 с.
24. Гецова О.Г. Диалектные различия русских архангельских говоров и их лингвогеографическая характеристика // Вопросы русского языкознания. Вып. VII. Русские диалекты: история и современность. М., 1997. С. 138–197.
25. Рогожникова Р.П. Соотношение вариантов слов, однокоренных слов и синонимов // Лексическая синонимия. М. : Наука, 1967. С. 152–163.
26. Гречко В.А. Лексическая синонимия современного русского литературного языка. Саратов : Изд-во СГУ, 1987. 153 с.
27. Ахманова О.С. Очерки по общей и русской лексикологии. 2-е изд., стереотип. М. : Едиториал УРСС, 2004. 296 с.
28. Мисьяков Г.И. Из наблюдений над словообразовательными вариантами // Литературная норма и вариантность. М. : Наука, 1981. С. 99–107.
29. Лейчик В.М. Лексическая вариантность и ее разрешение в системе, норме и речи (на материале научно-технических и общественно-политических терминов) // Вариантность как свойство языковой системы. М. : АН СССР, Ин-т Востоковедения, 1982. Ч. 1. С. 140–141.
30. Шведова Н.Ю. Вариантность как всепроникающее явление (на примере лексического множества) // Вариантность как свойство языковой системы. М. : АН СССР, Ин-т востоковедения, 1982. Ч. 2. С. 131–132.
31. Граудина Л.К., Ицкович В.А., Катлинская Л.П. Грамматическая правильность русской речи. Стилистический словарь вариантов / Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН. 3-е изд., стереотип. М. : Астрель; АСТ, 2004. 555, [5] с.
32. Кубрякова Е.С., Панкрац Ю.Г. Корень // Лингвистический энциклопедический словарь. 2-е изд., стереотип. / гл. ред. В.Н. Ярцева. М. : Большая Российская энциклопедия, 1998. С. 242–243.
33. Иванова Г.А. Словообразовательная синонимия и словообразовательная вариантность в терминологии лингвистики // Терминология и знание. Материалы IV Междунар. симпозиума / отв. ред. С.Д. Шелов. М. : Вест-Консалтинг, 2014. Вып. IV. С. С. 313–323.
34. Русская грамматика. М. : Наука, 1980. Т. I. 783 с.
35. Земская Е.А. Словообразование // Современный русский язык : учеб. для филол. спец. высших учебных заведений / под ред. В.А. Белошапковой. 3-е изд., испр. и доп. М. : Азбуковник, 1999. С. 286–442.
36. Антипов А.Г. Формантная подсистема деривационной морфемии русских говоров в морфонологическом аспекте // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2015. № 5 (37). С. 26–36.
37. Шаброва Е.Н. Морфемика диалектного глагола / отв. ред. С.И. Богданов. СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 2003. 220 с.
38. Шаброва Е.Н. Морфемный и словообразовательный анализ слова в русских народных говорах. Вологда : ВГПУ, 2004. 98 с.
39. Лукьянова Н.А. Экспрессивность в системе, слове и речи // Человеческий фактор в языке : Языковые механизмы экспрессивности / Отв. ред. В.Н. Телия. М. : Наука, 1991. С. 157–178.
40. Лукьянова Н.А. Экспрессивная лексика разговорного употребления в парадигме современной русистики // Русистика : сб. науч. тр. Киев : Киев. нац. ун-т им. Тараса Шевченко, 2012. Вып. 12. С. 3–12.
41. Сандомирская И.И. Эмотивный компонент в значении глаголов, обозначающих поведение // Человеческий фактор в языке: Языковые механизмы экспрессивности / отв. ред. В.Н. Телия. М. : Наука, 1991. С. 114–136.
42. Шарифуллин Б.Я. Проблемы этимологического изучения русской лексики Сибири (экспрессивный фонд языка) : дис. ... д-ра филол. наук. Томск, 1998. 466 с.
43. Шарифуллин Б.Я. Проблемы этимологического изучения русской лексики Сибири (экспрессивный фонд языка) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Томск, 1998. 44 с.
44. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. 3 изд., стереотип. СПб.: Терра-Азбука, 1996. Т. 2. 672 с.

СЛОВАРИ

1. Инверсионный индекс к словарю русских народных говоров / под ред. Ф. Гледни. СПб. : Изд-во СПб. ун-та, 2000. 574 с.
2. Областной словарь вятских говоров. А–В. 2-е изд., испр. и доп. / под ред. В.Г. Долгушева, З.В. Сметаниной. Киров : Коннектика, 2012. Вып. 2. 242 с.
3. Областной словарь вятских говоров / под ред. В.Г. Долгушева, З.В. Сметаниной. Киров : ВятГУ, 2004. Вып. 3. 199 с.
4. Областной словарь вятских говоров / под ред. З.В. Сметаниной. Киров : ВятГУ и ВятГУ, 2006–2018. Вып. 4–12.
5. Словарь русских народных говоров. Л.; СПб. : Наука, 1966–2014. Вып. 1–47.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 10 сентября 2019 г.

Variations of the Word in the *Regional Dictionary of Vyatka Dialects*

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 451, 56–68.

DOI: 10.17223/15617793/451/8

Zoya V. Smetanina, Vyatka State University (Kirov, Russian Federation). E-mail: zoyasmetanina@gmail.com

Galina A. Ivanova, Vyatka State University (Kirov, Russian Federation). E-mail: ivanova-kirov@mail.ru

Keywords: variation; phonemic variants; word-formation variants; dialect variants; lexicography; expressive derivation; Vyatka dialects.

The article discusses the problem of the lexicographic representation of word variants in the *Regional Dictionary of Vyatka Dialects*. The analysis of variants of the dialect word, their classification, criteria for distinguishing phonemic and derivational variants, derivational variants and derivational synonyms are determined. The article gives a classification of phonemic variants, describes different cases of their variation. The formal phonemic variation of dialect words is systematized according to the degree of regularity. The phonemic variation both in the field of vowels and in the field of consonants is represented by two varieties: qualitative and quantitative. Particular attention is paid to the question of the morphemic status of less common word-forming elements (interfixes vs expressive suffixes) that function as part of dialect verbs. The use of descriptive and statistical methods has led to the conclusion that there are expressive suffixes in the dialect vocabulary of Vyatka dialects (often dialects of other territories) that participate in intra-verb word formation, for example: -yr- (*buzdat'–buzdyryat'*); -an(yan)- (*sogrubit'–sogrub'yanit'*); -ach- (*strunit'–strunachit'*); -osh- (*smyakat'–smyakoshit'*); -uch- (*oshleit'–oshleuchit'*); -en- (*otutovet'–otutovenet'*). The regularity criterion, put forward by the dictionary authors as the main one, and the semantic analysis made it possible to consider such elements as expressive suffixes rendering the meaning of enhancing the intensity of the performed action and to refer such variants to derivational. Same-aspect pairs of verbs corresponding in form and content and differing in two or more phonemes, if their regularity is not confirmed by the dictionary materials and the *Inversion Index to the Dictionary of Russian Folk Dialects*, qualify as phonemic variants, for example: *skirkat'–*

skyrlykat', khodit'sya–khodilit'sya, upetkat'sya–upytyushkat'sya. The semantic criterion was used for distinguishing derivational variants and derivational synonyms; it primarily implies the establishment of semantic similarities and differences of cognate units. The specificity of the variation of Vyatka speech is revealed, the basic principles of the lexicography of variants are determined.

REFERENCES

1. Myznikov, S.A. (ed.) (2015–2018) *Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov (Materialy i issledovaniya) 2015–2018* [The Lexical Atlas of Russian Dialects (Materials and Research), 2015–2018]. St. Petersburg: ILS RAS.
2. Karmakova, O.E. (ed.) (2015) *Aktual'nye problemy russkoy dialektologii. K 100-letiyu izdaniya Dialektologicheskoy karty russkogo yazyka v Evrope* [Topical Issues of Russian Dialectology. On the 100th Anniversary of the Publication of the Dialectological Map of the Russian Language in Europe]. Abstracts of the International Conference, 30 October – 01 November 2015 Moscow: Institute of Russian Language, RAS.
3. Karmakova, O.E. (ed.) (2015) *Aktual'nye problemy russkoy dialektologii* [Topical Issues of Russian Dialectology]. Proceedings of the International Conference. 26–28 October 2018. Moscow: Institute of Russian Language, RAS.
4. Shabrova, E.N. (ed.) (2008) *Dialektnoe slovoobrazovanie, morfemika i morfonologiya: issledovaniya i materialy* [Dialect Word Formation, Morphemics and Morphonology: Research and Materials]. Vologda: Vologda State Pedagogical University.
5. Wandl-Vogt, E. von, Winterstein, S., Schrod, C. & Singer, A. (Hgg.) (2012) *Dialekt / dialect 2.0 & wboe 100 kurzfassungen* 7. Kongress der Internationalen Gesellschaft für Dialektologie und Geolinguistik (SIDG) 100 Jahre dialektlexikographische Forschung in Österreich im internationalen Kontext. Wien: Praesans Verlag.
6. Blinova, O.I. (1975) *Vvedenie v sovremennuyu regional'nuyu leksikologiyu* [Introduction to Modern Regional Lexicology]. Tomsk: Tomsk State University.
7. Kuznetsova, O.D. & Sorokoletov, F.P. (1987) Printsipy razrabotki variantov slova v slovare russkikh narodnykh govorov (SRNG) [Principles of Developing Variants of the Word in the Dictionary of Russian Dialects]. In: Sorokoletov, F.P. (ed.) *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian Dialects]. Is. 22. Leningrad: Nauka. pp. 4–8.
8. Kozyrev, V.A. (1986) Tozhdestvo slova kak problema dialektnoy leksikografii [Word Identity as a Problem of Dialect Lexicography]. In: Il'enko, S.G., Kovalevskaya, E.G. & Kozyrev, V.A. (eds) *Dialektnoe slovo v leksikograficheskom aspekte* [Dialect Word in the Lexicographic Aspect]. Leningrad: Leningrad State Pedagogical Institute. pp. 3–15.
9. Kozyrev, V.A. (1999) Variantnost' dialektного slova [Variation of the Dialect Word]. In: *Dialektная лексикология и лексикография: брянские говоры* [Dialect Lexicology and Lexicography: Bryansk Dialects]. St. Petersburg: Herzen Russian State Pedagogical University. pp. 31–60.
10. Bogoslovskaya, Z.M. (2005) *Dialektная вариантология* [Dialect Variantology]. Tomsk: Tomsk State University.
11. Golovina, E.D. (1991) *Formal'naya variantnost' v rechi dialektного tipa* [Formal Variation in Speech of the Dialect Type]. Kirov: Kirov State Pedagogical Institute.
12. Kartsevskiy, S.O. (2000) Ob asimmetrichnom dualizme lingvisticheskogo znaka [On the Asymmetric Dualism of a Linguistic Sign]. In: Blinov, A.V. et al. *Vvedenie v yazykovedenie: khrestomatiya* [Introduction to Linguistics: Anthology]. Moscow: Aspekt Press. pp. 45–48.
13. Ivanova, G.A. (1999) *Variantnost' sintaksicheskikh edinits: problemy izucheniya* [Variation of Syntactic Units: Problems of Study]. Kirov: Vyatka State Pedagogical University.
14. Nemchenko, V.N. (1990) *Variantnost' yazykovykh edinits. Tipologiya variantov v sovennom russkom yazyke* [Variation of Language Units. Typology of Variants in Modern Russian]. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk State University.
15. Blinova, O.I. (2007) *Motivologiya i ee aspekty* [Motivology and Its Aspects]. 2nd ed. Tomsk: Tomsk State University.
16. Bogoslovskaya, Z.M. (2011) Is There the Formal-Semantic Word Variation? *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – TSPU Bulletin*. 9 (111). pp. 57–60. (In Russian).
17. Rezanova, Z.I. (2007) Problemy dialektного slovoobrazovaniya v rabotakh tomskikh lingvistov [Problems of Dialect Word Formation in the Works of Tomsk Linguists]. In: Shabrova, E.N. (ed.) *Dialektnoe slovoobrazovanie, morfemika i morfonologiya* [Dialect Word Formation, Morphemics and Morphology]. St. Petersburg: Nauka; Vologda: Vologda State Pedagogical University.
18. Smetanina, Z.V. (2016) Neprofessional'naya dialektная лексикография как istochnik dlya "Oblastnogo slovary vyatskikh govorov" [Non-Professional Dialect Lexicography as a Source for the "Regional Dictionary of Vyatka Dialects"]. In: Chernova, S.V. (ed.) *Semantika. Funktsionirovanie* [Semantics. Functioning]. Kirov: Raduga-PRESS. pp. 197–211.
19. Smetanina, Z.V. (2008) Predislovie k 5 vypusku [Preface to Issue 5]. In: Smetanina, Z.V. (ed.) *Oblastnyy slovar' vyatskikh govorov* [Regional Dictionary of Vyatka Dialects]. Is. 5. Kirov: Vyatka State University of Humanities. pp. 3–5.
20. Bogoslovskaya, Z.M. (2000) *Slovar' variantnoy leksiki sibirskogo govora* [Dictionary of Variant Vocabulary of the Siberian Dialect]. Vol. I. Tomsk: Tomsk State University.
21. Nemchenko, V.N. (1992) *Variantnost' slova v russkom yazyke. Fonemicheskie varianty* [Variation of the Word in Russian. Phonematic Options]. N. Novgorod: Nizhny Novgorod State University.
22. Ivanova, G.A. (2014) Fonemicheskoe var'irovanie terminov yazykoznaniiya [Phonematic Variation of Linguistic Terms]. In: *Acta Rossica Tyrnaviensis. Zbornik studii Katedry rusistiky Filosofickej fakulty Univerzity sv.Cyrila a Metoda v Trnave*. Brno: TRIBUN EU. pp. 58–66.
23. Gorbachevich, K.S. (2009) *Variantnost' slova i yazykovaya norma. Na materiale sovremennogo russkogo yazyka* [Variation of the Word and Language Norm. On the Material of Modern Russian]. 2nd ed. Moscow: Knizhnyy dom "LIBROKOM".
24. Getsova, O.G. (1997) Dialektnye razlichiya russkikh arkhangel'skikh govorov i ikh lingvogeograficheskaya kharakteristika [Dialect Differences of Russian Arkhangelsk Dialects and Their Linguo-Geographical Characteristics]. In: Gorshkova, K.V. & Remneva, M.L. (eds) *Voprosy russkogo yazykoznaniiya* [Issues of Russian Linguistics]. Is. VII. Moscow: Moscow State University. pp. 138–197.
25. Rogozhnikova, R.P. (1967) Sootnoshenie variantov slov, odnokorenykh slov i sinonimov [The Correlation of Word Variants, Root Words and Synonyms]. In: Barkhudarov, S.G. (ed.) *Leksicheskaya sinonimiya* [Lexical Synonymy]. Moscow: Nauka. pp. 152–163.
26. Grechko, V.A. (1987) *Leksicheskaya sinonimiya sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [Lexical Synonymy of Modern Russian Literary Language]. Saratov: Saratov State University.
27. Akhmanova, O.S. (2004) *Ocherki po obshchey i russkoy leksikologii* [Essays on General and Russian Lexicology]. 2nd ed. Moscow: Editorial URSS.
28. Mis'kevich, G.I. (1981) Iz nablyudeniy nad slovoobrazovatel'nymi variantami [From Observations of Word-Building Variants]. In: Skvortsov, L.I. (ed.) *Literaturnaya norma i variantnost'* [Literary Norm and Variation]. Moscow: Nauka. pp. 99–107.
29. Leychik, V.M. (1982) Leksicheskaya variantnost' i ee razreshenie v sisteme, norme i rechi (na materiale nauchno-tehnicheskikh i obshchestvenno politicheskikh terminov) [Lexical Variation and Its Resolution in the System, Norm and Speech (Based on the Material of Scientific, Technical and Socio-Political Terms)]. In: Solntsev, V.M. (ed.) *Variantnost' kak svoystvo yazykovoy sistemy* [Variation as a Property of the Language System]. Pt. 1. Moscow: Institute of Oriental Studies, USSR AS. pp. 140–141.
30. Shvedova, N.Yu. (1982) Variantnost' kak vsepronikayushcheye yavlenie (na primere leksicheskogo mnozhestva) [Variation as an All-Pervasive Phenomenon (Using the Example of a Lexical Set)]. In: Solntsev, V.M. (ed.) *Variantnost' kak svoystvo yazykovoy sistemy* [Variation as a Property of the Language System]. Pt. 2. Moscow: Institute of Oriental Studies, USSR AS. pp. 131–132.
31. Graudina, L.K., Itskovich, V.A. & Katlinskaya, L.P. (2004) *Grammaticheskaya pravil'nost' russkoy rechi. Stilisticheskii slovar' variantov* [The Grammatical Correctness of Russian Speech. Stylistic Dictionary of Variants]. 3rd ed. Moscow: Astrel'; AST.
32. Kubryakova, E.S. & Pankrats, Yu.G. (1998) Koren' [Root]. In: Yartseva, V.N. (ed.) *Lingvisticheskii entsiklopedicheskii slovar'* [Linguistic Encyclopedic Dictionary]. 2nd ed. Moscow: Bol'shaya Rossiyskaya entsiklopediya. pp. 242–243.

33. Ivanova, G.A. (2014) [Word-Forming Synonymy and Word-Forming Variation in the Terminology of Linguistics]. *Terminologiya i znanie* [Terminology and Knowledge]. Proceedings of the IV International Symposium. Is. IV. pp. 313–323. (In Russian).
34. Shvedova, N.Yu. (ed.) (1980) *Russkaya grammatika* [Russian Grammar]. Vol. 1. Moscow: Nauka.
35. Zemskaya, E.A. (1999) Slovoobrazovanie [Word Formation]. In: Beloshapkova, V.A. (ed.) *Sovremennyy russkiy yazyk* [Modern Russian Language]. 3rd ed. Moscow: Azbukovnik. pp. 286–442.
36. Antipov, A.G. (2015) Formant Subsystem of Derivational Morphemics of Russian Dialects in the Morphological Aspect. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 5 (37). pp. 26–36. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/37/2
37. Shabrova, E.N. (2003) *Morfemika dialektного глагола* [Morphemics of the Dialect Verb]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
38. Shabrova, E.N. (2004) *Morfemnyy i slovobrazovatel'nyy analiz slova v russkikh narodnykh govorakh* [Morphemic and Word-Formation Analysis of the Word in Russian Dialects]. Vologda: Vologda State Pedagogical University.
39. Luk'yanova, N.A. (1991) Ekspressivnost' v sisteme, slovare i rechi [Expressivity in the System, Dictionary and Speech]. In: Teliya, V.N. (ed.) *Chelovecheskiy faktor v yazyke: Yazykovye mekhanizmy ekspressivnosti* [The Human Factor in the Language: Language Mechanisms of Expressivity]. Moscow: Nauka. pp. 157–178.
40. Luk'yanova, N.A. (2012) Ekspressivnaya leksika razgovornogo upotrebleniya v paradigme sovremennoy rusistiki [Expressive Vocabulary of Colloquial Use in the Paradigm of Modern Russian Studies]. *Rusistika*. 12. pp. 3–12.
41. Sandomirskaya, I.I. (1991) Emotivnyy komponent v znachenii glagolov, oboznachayushchikh povedenie [The Emotive Component in the Meaning of Verbs Denoting Behavior]. In: Teliya, V.N. (ed.) *Chelovecheskiy faktor v yazyke: Yazykovye mekhanizmy ekspressivnosti* [The Human Factor in the Language: Language Mechanisms of Expressivity]. Moscow: Nauka. pp. 114–136.
42. Sharifullin, B.Ya. (1998) *Problemy etimologicheskogo izucheniya russkoy leksiki Sibiri (ekspressivnyy fond yazyka)* [Problems of the Etymological Study of Russian Vocabulary of Siberia (Expressive Language Fund)]. Philology Dr. Diss. Tomsk.
43. Sharifullin, B.Ya. (1998) *Problemy etimologicheskogo izucheniya russkoy leksiki Sibiri (ekspressivnyy fond yazyka)* [Problems of the Etymological Study of Russian Vocabulary of Siberia (Expressive Language Fund)]. Abstract of Philology Dr. Diss. Tomsk.
44. Vasmer, M. (1996) *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Etymological Dictionary of the Russian Language: In 4 Vols]. Translated from German. 3rd ed. Vol. 2. St. Petersburg: Terra-Azbuka.

DICTIONARIES

1. Gledni, F. (ed.) (2000) *Inverzionnyy indeks k slovaryu russkikh narodnykh govorov* [Inversion Index to the Dictionary of Russian Folk Dialects]. St. Petersburg: St. Petersburg State University.
2. Dolgushev, V.G. & Smetanina, Z.V. (eds) (2012) *Oblastnoy slovar' vyatskikh govorov* [Regional Dictionary of Vyatka Dialects]. 2nd ed. Is. 2. Kirov: Konnektika.
3. Dolgushev, V.G. & Smetanina, Z.V. (eds) (2004) *Oblastnoy slovar' vyatskikh govorov* [Regional Dictionary of Vyatka Dialects]. 2nd ed. Is. 3. Kirov: Konnektika.
4. Smetanina, Z.V. (ed.) (2006–2018) *Oblastnoy slovar' vyatskikh govorov* [Regional Dictionary of Vyatka Dialects]. Is. 4–12. Kirov: Vyatka State University of Humanities, Vyatka State University.
5. Sorokoletov, F.P. et al. (eds) (1966–2014) *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian Dialects]. Is. 1–47. Leningrad; St. Petersburg: Nauka.

Received: 10 September 2019